

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

В тишину морозного декабрьского утра врезался раскатистый звон колоколов Рождественской соборной церкви. Через мгновение к нему присоединились колокола других церквей, и вот уже над посадом звучит многозвучный колокольный ряд.

Оживают и город, и посад. Тяжело, со скрипом открываются базарные ворота кремля. С дворов доносятся крики разбуженных первых петухов. В темноте, на фоне черных силуэтов домов появились блики тусклого света. Это сквозь оконца пробиваются отсветы от зажженных в избах свечей и лучин.

Во дворе Степана Кадомца, в прошлом известного своими ратными подвигами служилого человека, более двадцати лет отдавшего царской службе, а ныне губного старосты, все проснулись. В горнице, едва освещенной свечами, жена Варвара стоит в красном углу и, совершая земные поклоны, тихо молится: «Отче наш, иже еси на небесех...»

Дворовые, накинув однорядки поверх холщовых рубах, поспешно, скрипя дверями, творят свои заботы. Всюду сутолока. Во всем, даже в непривычных для утра громких говорах отроков, ощущается приближение праздничного дня.

Степан, потянувшись, встал со скамьи, на которую он прилег после вечерней службы. Натягивая на ноги сшитые нарочно для праздников красные кожаные сапоги, натужно произнес:

– Рождество Твое, Христе Боже наш... Варвара, все ли готово к празднику?

В ответ жена, выходя из избы, уже через плечо ответила:

– Во славу Божью, Степан. Успеем к вечеру.

Оставшись один, Степан, поправив складки красной верхницы, прекрестившись на образ Спасителя, озаренный пламенем лампадки, направился в заднюю избу. Здесь его уже ожидали отец и матушка.

Отец по случаю праздника облачился в привезенный Степаном из Мещеры охабень, подбитый мехом бобра. Матушка в расшитом золотом шерстяном опашне, в шапке из красного атласа, надетой поверх тафтуновой повязки, сидела на лавке и неторопливо теребила в руках ноговицы. Степан вспомнил, что еще с вечера договорились с отцом идти в церковь.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Батя, самое время идти в церковь, а то не успеем к заутрене, – обратился к батюшке Степан.

Отец утвердительно кивнул головой, потер ладонью побитое в прошлом и оттого постоянно напоминающее о себе тупой болью колено, встал со скамьи и направился на выход из избы. Матушка, подобрав полы опашня, засемила за ним. Степан поспешно надел соболиную шубу и, натянув на голову лисью шапку, вслед за родителями, минуя холодные сени, вышел со двора и направился по Дмитриевской улице в храм Благовещенья. Тихий скрип снега под ногами не мешал приглушенному разговору Степана с отцом. Впереди них шли другие посадские жители. В одиночку, а то и группами они, уминая выпавший за ночь снег, следовали в направлении уже обозначившейся серыми стенами и растворяющимся во мгле крестом церкви.

Со всех сторон слышалось: «Спаси, Господи. Во славу Божью».

При входе в церковь Степан вслед за другими прихожанами обнажил свою седую шевелюру и перекрестился. Сегодня в храме было необычно торжественно. Молитва игумена Сергия, нарушаемая лишь тихим потрескиванием горячих свечей, простираясь по церкви, возносилась вверх к куполу. Отсветы от пламени свечей на мгновение выхватывали из молчаливой людской массы умиротворенные лица прихожан, внимающие словам молитвы, их сложенные на груди крестом руки. Муромцы в едином порыве троекратно крестились, некоторые из них, подымая полы шуб и охабней, опускались на колени. Запах ладана и воска постепенно смешался с запахами многочисленных человеческих тел. Служба пролетела как одно мгновение. Прозвучали последние слова Сергия:

– С нами Бог. Ему же честь и поклонение подобает – Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Аминь.

И Степан вместе с родителем вслед за другими прихожанами тихо, без суеты вышел из храма. Стоя на паперти, он посмотрел вслед прихожанам, расходящимся по своим дворам, потянул застывшую от долгого стояния спину и подумал: «Вон Гришка отстоял службу и, поди, пошел на двор. Ему праздник. А тут одни заботы».

Выбранный на сходе в старосты, Степан должен был проверить порядок в городе, убедиться, что концы и стогны посада готовы к празднику. Поэтому, расставшись с родителями, от церкви он направляется к ближайшим торговым рядам. Здесь в ожидании хорошего торгового лавочники в полутьме поспешно доставали из погребов и клетей свои товары. Воздух вокруг них постепенно наполняется запахами снеди. Иван Синегга, хозяин нескольких лавок в Большом ряду, припадая на левую ногу, лично осматривал свой товар, делая по ходу громкие замечания работникам: «Не зевай, поспедай. Как дивий возишься».

«Добрый гость, да и подати платит исправно», – про себя отметил Степан и, не останавливаясь, направился в сторону кремля. Пройдя несколько шагов, он услышал топот бегущего позади него человека.

Степан не успел повернуться, как холоп в накинутах поверху рубахи овчинном тулупе, подпрыгивая на ходу, спешно обогнал его.

«Кому в гости, а кому морозить кости», – пожалел он удаляющегося отрока. Подумав, что в столь ранний час на стужу холопа мог выгнать только хозяин с наказом пригласить кого-то из знатных гостей на обед.

Вдруг из-за поворота, разметая рыхлый снег, на стогну вылетела запряженная карим мерином пролетка с облаченным в лисью шубу бо-родачом. Этого знатного жеребца не спутаешь с другими.

«Никак Молчан Лукин», – смекнул Степан.

Повозок между тем остановился у двора всем известного на этом конце Самойла Гордеева. Молчан по-молодецки спрыгнул с него и, пугаясь в полах шубы, направился к дубовым дворовым воротам.

«Пооди, решил самолично пригласить к себе на трапезу будущего тестя. Ай да Молчан, этот своего не упустит», – размышляя, не спеша, Степан подошел к базарным воротам кремля, остановился, стянул с головы меховую шапку и перекрестился в сторону Рождественского собора, купола которого купались в лучах утреннего солнца.

Уже на территории кремля, у осадного двора князя Андрея Бабичева, Степан чуть не столкнулся с княжеским приказчиком Овсеем, который, кланяясь, поломал перед старостой шапку. Ответив тому поклоном, как выборному подобает, Степан пошел далее. С улыбкой на устах он вспомнил, как в прошлом году князь Андрей с товарищами на Рождество Христово пировали в его доме: «Да что там говорить. Князь, уже отставленный по старости от службы, решил потягаться в питии с молодыми отроками. Но не сдюжил. Пиво так ударило ему в голову, что пришлось, несмотря на знатность, вытащить князя в холодные сени, чтобы немного привести того в себя от обильно выпитого хмельного. Да и отроки молодцы – подзадорили князя».

Проходя мимо воеводской избы, Степан подумал о приготовлениях к пиру, которые совершаются сейчас в его дворе. Он явственно представил, как в горнице, предназначенной для трапезы, дворовые производят уборку, устилают ковры, на окнах вешают занавески, на карнизах кладут наоконники, столы и лавки накрывают нарядными скатерками и полавочниками, заправляют свечи и паникадила, уставляют поставец посудой. Вдоль стен перед лавками устанавливают длинные столы, в обычное время хранящиеся в подклети. Воспоминания об обилии питья и закусок, готовящихся дворовой поварней, невольно заставили его ускорить шаг. На выходе из кремля, у Спасских ворот, Степан услышал глухие стуки, доносившиеся со стороны реки Оки.

«Что там? Надобно посмотреть. Вдруг неуютное дело творится», – подумал он и, идя на звук по тропке, петляющей по самому краю Воеводиной горы, вышел на крутой берег реки. Внизу, на льду, на удалении нескольких шагов друг от друга стояли две приблизительно равные толпы. По их поведению было видно, что они готовились к кулачному бою. А разгоряченные крики с противоположных сторон свидетельствовали о том, что в схватке никому из противников пощады не будет. На глазах у Степана страсти на льду накалялись.

И тут перед взором предстали события прошлых лет, когда он, будучи недорослем, участвовал, в таких боях от Нижегородского конца. С ударами в бубны летели в сторону зипуны и кафтаны, лед пестрел разноцветными, преимущественно красными рубахами. Раздавался свисток, и стороны бросались друг на друга. Далее все перемешивалось: свирепые лица, орущие рты, машущие руки, пролетающие кулаки, уда-

ры, один, второй... Постепенно от свалки отваливались окровавленные бойцы... Битва сама собой затихала, а матушке потом несколько дней приходилось делать Степану примочки и отпаивать его настоем из трав.

«Матушка! Сколько раз ты выхаживала меня. Если бы не твои заботы, разве выжил бы я, покалеченный под Смоленском. Даже лекарь-старец Ефрем удивился, увидев меня на своих ногах», – с благодарностью подумал он.

Мимо Степана с восторженными криками пробежала стайка отроков и белиц. Подняв снежное облако, они полетели вниз по склону к реке. Рядом с отроком в лаптях или башмаках, сплетенных из лозы, в опашне или однорядке поверх холщовой рубахи, молодец в башмаках или сапогах из телячьей или конской кожи, в собольей или лисьей шубе. Здесь же белицы в венце или широкой повязке, вышитой золотом, покрытые или высокой шапкой, или простой повязкой.

«Как дроли... Пошебетали и упорхнули», – с нескрываемым огорчением вспомнил Степан о своих преклонных годах и, довольный тем, что в кремле и на посаде все в порядке, заломив шапку, направился обратно, в сторону своего двора.

Когда он вышел на Козью речку, то сразу же окунулся в атмосферу смеха и детской радости. Каждую зиму, очистив лед от снега, на этой речке посадские дети катаются на коньках. Лицо Степана просветлело, и он вспомнил, как много лет назад покупал сыну Ивану на Макарьевской ярмарке коньки. Тогда, порядочно побродив по торгу, Степан нашел их в кузнечном ряду, среди всякой хозяйственной мелочи. Сколько потом восторга у недоросля вызвали эти две деревянные подковы с узкими железными полосками, впереди загнутыми вверх.

«Иванка, Иванка. Не уберег я тебя там, у этой речки. Шляхтич поганый порубил сынка, как хворостинку. Но и сам не ушел от моего палаша», – горькие мысли преследовали... Сколько прошло уже с того дня, но по-прежнему скорбь об убитом сыне не покидает душу Степана. Вот он, старый, живет, а молодой отрок лежит в земле. Но недаром говорят, что время все лечит. От горьких мужских слез не осталось и следа. Но Степан никогда не забудет озорной светлый взгляд сына.

Между тем солнце уже поднялось к зениту и оттуда своими холодными лучами, потерявшими все тепло в плотном морозном воздухе, ярко освещало округу. Прищурившись, Степан посмотрел на светило.

«Вечное светило... Умру я, умрут мои дети, внуки, а оно всегда будет, так же будет освещать землю...» – от раздумий Степана отвлек зычный голос бирюча, донесшийся со стороны стогны у губной избы: «...а ежели кто замечен будет в тятях, тому кару нести по делам его...»

«Эка напасть. Кузьма опять дерет горло. Поди, воевода князь Роман Волховский наказ учинил, а то и выше бери – с Приказа грамота пришла», – с досадой подумал Степан и, идя на голос глашатая, вышел на стогну. Бирюч к тому времени уже закончил свое объявление и неторопливо, осознавая значимость своей работы, удалялся в сторону воеводской.

На большой территории стогны, поливаемый солнечными золотистыми лучами с высоты безоблачного неба, среди палаток, лавок, упряжек и скота сутился разночинный народ. Пестрая нарядная масса, подчиняясь никем не писанному порядку, текла от калачного ряда через мясной, рыбный и москательный к сырмятному.

Степан, окинув взором стогну, увидел, как в праздничную толпу врезались скоморохи. Наряженные в яркую, необычную, собранную

из лоскутков одежду, они на ходу громко созывали жителей на свое представление. За ними гурьбой увязалась ватага посадских ребятишек.

Ой ду-ду! На дубу грянул ворон во трубу,
Зашумели леса, и пошли чудеса!

По-молодецки озорно врезалась песня скоморохов в монотонный гул, стоявший над стогной и, разорвав его, понеслась над головами посадских жителей:

Сел сверчок в уголок, таракан на шесток.
Сели, посидели, песню запели

В то время как бородатые, покрытые сединой посадские, очевидно, привыкшие к таким представлениям, продолжая торг, лишь усмехались в сторону скоморохов, отроки и белицы, оставив лавки, поспешили на зов песенников. Степан, поддавшись веселой песне, охотно последовал за молодыми. Потешники с масками на лицах своими прибаутками и складными рассказами так веселили зрителей, что некоторые недоросли, не стесняясь народа, катались по земле. Чуть в стороне от песенников отрок в колпаке с бубенцами дул в дудку. Выученные собаки, словно в пляске, крутились вокруг него.

Ах, у нашего сударя, света батюшки,
У доброго живота всё кругом ворота!

– вторили ему слова потешников.

Как тут было не порадоваться и Степану. Позабыв о цели своей прогулки, он заулыбался. В его глазах заиграли огоньки, а широко раздвинутые уста бесцеремонно потеснили густую бороду.

«Вот и тебя, старого, бес попутал», – подумал Степан, поправляя съехавшую на самый затылок шапку. Тут он вспомнил о том, что скоро к нему придут гости и, раздвигая плотную веселящуюся толпу, направился к своему двору.

Всю дорогу до двора Степан думал о том, что надо еще самому проверить готовность к пиру, попробовать питье и закуски. Неожиданно в голове у него всплыли воспоминания о прежних пирах, церемонно начинающихся и шумно заканчивающихся. И, как в прежние года, Степан увидел отца Сергия, пришедшего к нему, словно провожая праздничный день, ближе к полуночи, после того, когда все гости, угомонившись, разойдутся по своим дворам. Варвара, догадываясь о его предстоящем приходе, оставляет в печи испеченные по случаю праздника круглые калачи и перепечи. Принимая угощения, седой, невеликий ростом, немного сгорбленный духовный пастырь славит Христа.

– Христос рождается – славите! Христос с небес – срящите! Христос на земли, возноситеся! – вслух, внемля словам старца, произнес Степан.

Уже на дворе, заметно уставший, он присел на скамью и задумался о своей жизни. Прожито более пяти десятков лет, загустевшая кровь медленно обращается в его жилах, потяжелевшая голова все чаще напоминает о приближении старости.

Степан вспомнил, как прежде они, такие же молодые, как сегодня их дети, в ночь после празднования Рождества Христова, нарядившись,

бегали со сверстниками по посаду, кликали Коляду, пели под окнами и колядовали. На всю жизнь он запомнил, как после одной из таких бедовых ночей их, недорослей, под охраной пушкарей привели к старосте. Великий ростом, широченный в плечах староста дядя Семен, как исполин, навис над ослушными отроками и долго допытывался, кто был зачинщиком поджога бороды одинокого хмельного мужичка. Но никто из ватаги недорослей так и не выдал Ивашку Трегубова и Гришку Калинина, заманивших мужика в Воскресенский овраг и предложивших там созоровать над ним. До сих пор Степан не понимает, как они не выдали зачинщиков под гневным взглядом старосты. Позднее отпущенный под крестное целование более не повесничать, дрожа мелкой дрожью и стуча зубами, дабы выпустить пар, недоросли надавали тумачков зачинщикам.

«Ивашка, Ивашка, старый хрыч, поди, до сих пор помнишь наши затрешины», – усмехнулся Степан.

Перекрестившись в сторону посеребренного, крытого лемехом купола Ивановской часовни, Степан вошел в избу и окунулся в запахи закуски и пряностей, витающих среди столов и скамеек. Варвара в вышитом орнаментами сарафане, стоя у закута, давала последние указания служкам. С минуты на минуту начнут прибывать гости. Довольный увиденным Степан вышел в сенник. Здесь он будет ожидать званых гостей.

АНГЕЛ МОЙ...

В это уголок необъятного Нижегородского края последнее время я, будучи экскурсоводом, приезжаю довольно часто.

Сегодня погода была, как говорят, «слякотная» – моросил мелкий дождик, обтекающий нас ветер, проникая под одежду, охлаждал тело. Темные ватные тучи росли на глазах и, опускаясь все ниже и ниже, приближались к земле.

Войдя через металлические, узорчатые, окрашенные черной краской ворота на территорию монастыря, я поднял глаза, пытаюсь разглядеть верхушку позолоченного креста на высоченной многометровой колокольне. Этот крест, возвышаясь над множеством других, венчающих храмы обители, невольно притягивает взор. Ведь он ближе всего к небесам, а значит, и к Всевышнему. Следуя моему примеру, туристы так же подняли головы вверх и ждали от меня каких-то слов, объяснений.

Что я мог сказать этим людям, приехавшим сюда с надеждой если не прикоснуться к чуду, то непременно совершить церковные обряды и ощутить себя ближе к божественным таинствам?

Год назад, в очередной раз приехав в монастырь, я думал, что ничего нового здесь не увижу. Буду, как и прежде, водить туристов по храмам, рассказывать историю, церковные писания, советовать приложиться к мощам. Я ходил по обители и видел, что некоторые люди здесь суетятся, другие, наоборот, ведут себя степенно, важно и торжественно. Осуждал первых и пытался понять вторых, подолгу задерживал взгляд на юродивых с их блуждающим, словно ищущим что-то взором. Немного стеснялся редких прихожан с мягкими, почти детскими чертами лица, в открытых глубоких глазах которых виделась чистота и покой.

В тот раз, оставив туристов в соборном храме, я вышел на площадь. День был будничным, наверное, поэтому она была безлюдной. Постояв немного и не найдя ничего достойного внимания, я вошел в кафе, называемое «Монастырская трапезная». Оно было небольшим и вмещало всего два круглых столика.

Я взял чашку чая и, прислонившись в дальнем углу к обитой рейками стене, стал рассматривать картины, которыми были увешаны стены. В слабо освещенном помещении на меня задумчиво взирал сгорбленный, с посохом в руке старец Серафим, облаченная в яркое одеяние блаженная Параскева и окруженная ореолом смиренная матушка Александра.

После картин мое внимание привлекла художавая, одетая в демисезонное клетчатое пальтишко девочка лет семи-восьми, стоявшая рядом с входной дверью. Опустив перед собой сжатые в кулаке руки, она не отходила от двери и смотрела на каждого, выходящего из трапезной. Лицо девочки было не по годам серьезным, неподвижным и заметно оживлялось, когда очередной посетитель направлялся к выходу. Тогда

она вытягивалась в струну и, казалось, чего-то ждала. Сначала я подумал, что мне это показалось. Просто стоит девчонка и ждет кого-то из своих родных или знакомых.

Время шло, чай мной был уже выпит, но уходить из кафе я не спешил. За то время, пока я наблюдал за девчонкой, в кафе вошли и вышли более десятка посетителей, а она все так же стояла у выхода. «Что же заставляет ее стоять и всматриваться в каждого выходящего?» – с этой мыслью я подошел к стойке и, встав напротив девочки, попытался незаметно заглянуть в ее глаза. Может быть, в них кроется ответ? Но широкие серые глаза ее ничего не выражали, они были безмолвными и словно замерли. В тот момент, когда я уже собрался выйти из кафе, невысокая, средних лет женщина, стоявшая у соседнего столика, направилась к выходу. Стоило ей подойти к двери, как девочка встрепенулась, ее взор впился в эту женщину, а в глазах появилось трепетное ожидание. Я даже насторожился. Когда женщина молча вышла из кафе, девочка осунулась, ее плечи опустились, взор потух.

Мое терпение иссякло и, подойдя к ней, я спросил:

– Извини меня за мое любопытство. Долго наблюдаю за тобой и не могу понять, почему ты стоишь у двери и провожаешь каждого выходящего из кафе? Ты кого-то ищешь?

Девочка, потупив взгляд, молчала.

– Может, тебе помочь? – не унимался я.

– Не надо, – прозвучало в ответ, – просто я жду, когда скажут: «Ангел мой, пойдем со мной, ты – впереди, я – за тобой».

«Ангел мой! Вот чего ждала она, долгое время у выхода, – подумал я и оторопел. – Она не просто желала услышать эти слова, но и увидеть небесного посланца!»

Земной ангел стоял передо мной! В простеньком пальтишке, с прядью светлых волос, выбивающихся из-под полинялого клетчатого платка. Когда она подняла глаза, в них было немного грусти, оттого, что она не увидела ангела, немного радости оттого, что поделилась со мной своей тайной и надежда.

Я отключился от внешнего мира. В голове мелькали храмы, иконы, суемящиеся люди... И вдруг я ясно увидел девочку, идущую по цветущему, ярко освещенному солнцем лугу, и услышал опускающиеся с высоты слова: «...Ты – впереди, я – за тобой...» Осмотревшись, я не увидел девочки. Очевидно, она вышла из трапезной незаметно для меня. Направляясь к автобусу, я вспомнил, как в детстве после посещения сельской церкви, куда меня привела бабушка, насмотревшись храмовых росписей, представлял своего ангела. В моем воображении это был летающий над землей крылатый младенец с ореолом над головой. Мне кажется, что он являлся ко мне во сне, и мы разговаривали с ним. Но эту тайну я никому не открыл. Помня бабушкины слова о том, что «ангел защищает меня от болезней», я хранил эту тайну как оберег.

В тот день я почувствовал своего ангела. Образ его был неясным, расплывчатым, зато теплое, нежное прикосновение было очевидным. С той поры я часто обращаюсь к нему, и в дни печали и в дни радости. Он стал моим постоянным спутником, а та девочка из трапезной часто видится мне.